

«К такому я готов уделу...»

Не вполне литературные заметки по поводу 65-летия писателя Анатолия Тоболяка

В ПЕРВЫЕ имя Анатолия Тоболяка для автора этих строк прозвучало довольно неожиданно — в 1975 году на VI Всесоюзном совещании молодых писателей. Там я узнал, что на фореуме присутствует еще один литератор с Сахалина, по приглашению журнала «Юность». Кто-то меня спрашивал о нем, а я ничего не мог сказать. «Историю одной любви», напечатанную в январском номере «Юности», я еще не читал и об авторе ничего не слышал. Да и позже, после прочтения, она не заинтересовала, показалась чем-то в духе аксеновско-гладилинских сюжеты. К этим писателям я был равнодушен, поскольку в их повестях мне виделось стремление «держаться нос по ветру», уловить конъюнктуру и во что бы то ни стало выглядеть современными людьми. Переживания их героев казались надуманными, мелкими и позерскими. Если к раннему творчеству В. Аксенова и А. Гладиллина мое отношение не изменилось, то к первой повести А. Тоболяка со временем я стал относиться иначе. Не то чтобы полюбить ее как читатель, но зауважал. Выяснилось, что она действительно затронула некие струны в юных душах (сам тому был свидетелем на литературных встречах с участием А. Тоболяка).

У этой повести оказалась счастливая, но сложная судьба: бурная полемика в «Литературной газете», перепишка Бориса Полевого, тогдашнего главного редактора «Юности», с молодым автором, звание лауреата журнала «Юность», сотрудничество с драматургом А. Штейном, постановка спектакля по повести в московском театре им. К. Станиславского и многих других театрах страны, массовые постановки в школьных драматических кружках. Кроме этого по «Истории одной любви» снято два художественных фильма — в России и в Болгарии, повесть была переведена на двенадцать языков, вышла в семи странах. Однако оказалось, что официальные литературные власти и критика ее не жалуют: все им мерещилось раздувание конфликта между «отцами и детьми». И то, что она была издана книгой в СССР только через семь лет после журнальной публикации — во Владивостоке в серии «Молодая проза Дальнего Востока», говорит само за себя. Слишком уж явными были наклонения идеологического характера. И задержка впоследствии с приемом автора в Союз писателей СССР была очевидной несправедливостью. Какая уж тут конъюнктура? Тем не менее повесть «Откровенные тетради», также опубликованная в «Юности» и написанная от лица молодой женщины, показала мне гораздо теплее и достовернее...

Б ЛИЗКО познакомились мы с А. Тоболяком в 1980 году, после его возвращения из Средней Азии, куда он отъезжал на несколько лет в конце 70-х. А вот произведением, которое меня по-настоящему взволновало, стала его повесть «Папа уехал». История падения и гибели отца, рассказанная языком подростка, написанная словно на одном дыхании, по убедительности художественного образа, по-моему, до сих пор не имеет аналогов среди произведений на тему родительского пьянства.

Восьмидесятые годы для нас было время еще достаточно молодое, бурливое, перестроечное, с массой запретов, нарушение которых подчас диктовалось просто «спортивным интересом». Это было время общения с друзьями и с читателями на областных писательских семинарах, в поездках по районам с выступлениями. В 80-х можно было запросто, собравшись за вечер, махнуть куда-нибудь с нашего края света на другой. Как, например, А. Тоболяк и А. Смирнов махнули вдвоем штурмовать высокогорья Алатау. Поднялись недалеко от Алма-Аты, а спустились в Киргизии близ озера Иссык-Куль. А оттуда отправились в Суздаль... Или — решить за десять минут, как А. Тоболяк с автором этих

строк, слетать в Ригу на два три дня по той лишь причине, что там пиво хорошее... Общение было главным в 80-е годы. «А что в этом плохого?» — протестушно удивлялся А. Тоболяк, когда мы порою засиживались до утра (иногда и не первого) в гости к приятеля. И тогда хозяин устало и печально отвечал вопросом на вопрос: «А что хорошего?».

Безудержность общения 80-х, возможно, была замешана на предчувствии 90-х, которые разобидели нас, разделили на демократов, патриотов, коммунистов, антикоммунистов — растащили по разным углам, а то и по баррикадам. Анатолию же всегда был не интересен любой радикализм. Широкого взгляда, любознательное отношение к любому человеку, независимо от того, кем он занимался, многих располагало к нему. А хороший вкус, профессиональный подход к литературе и точность суждений лишь подкрепляли его писательский авторитет.

Наверное, многое из того, что с нами произошло, а что может быть, и происходит, связано с неосознанным и неутоленным стремлением моделировать жизнь как литературное произведение. Для А. Тоболяка это, пожалуй, особенно характерно. Вспомним, что герои его первой повести — юные Кротовы — шли по следам своего автора, у которого за плечами уже были Эвенкия, Таймыр...

В 80 — 90-х годах книги А. Тоболяка выходят довольно регулярно. В них повести «Лето», «Двое в доме», «Попытка контакта», «Письма туда и обратно», «Четверо на острове», «Вокруг Аси», «Игра в жмурки», «Денежная история», «Некто К». Написаны и поставлены в театрах пьесы «Визит Каткова», «Денежная комедия», опубликована трагикомедия-фарс «Влиятельное лицо», посвященная заключительному этапу перестройки. В 1995 году выходит роман «Невозможно остановиться...».

Его проза по-настоящему беллетристична, увлекательна, остроумна. Это вызывает к ней неугасающий читательский интерес. Но о романе, удостоенном, кстати, премии Сахалинского фонда культуры, хочу сказать чуть подробнее. Литературная традиция «антигероя» вообще-то имеет дальние корни. Хотя основные вехи можно по пальцам пересчитать. От протопопа Аввакума, от Печорина, от Остапа Бендера, от Венечки Ерофеева — до Эдички Лимонова, до «антигероини» Натальи Медведевой, до Юраши Теодорова из романа А. Тоболяка и «антигероя» В. Маканина. Вот, пожалуй, и весь круг, не претендующий, впрочем, на полноту и завершенность.

Эпиграфом В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» выглядит так: «Герой... портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». М. Лермонтов. А один из трех эпиграфов к роману «Невозможно остановиться»: «Только что вернулся с кладбища и подивайся наглости живущих». Б. Лунин. Есть в этих эпиграфах какая-то внутренняя схожесть взгляда. Но если сравнивать «антигероев», то Юраша Теодоров, несомненно, полный антипод, скажем, Эдички Лимонова — вечно озабоченного главным образом тем,

как он выглядит, рефлексирующего и ноющего по разным поводам. Эдичка большей частью смозонит, хотя и тужится изобразить из себя трагическую фигуру. А Юраша, напротив, с его подтруниванием над самим собой, с его самоиронией — трагичен. Сумасбродства его не от избытка жизни, а от избытка заглянуть за край собственного существования. И беспощадная самоирония Юраши подтверждает вывод: столь негативное отношение к себе и к близким ему людям — эксперимент, в котором испытатель становится заложником собственного опыта. «Берегитесь — те, кто охоч ходит по краю», зглядывая в пропасть — это, на мой взгляд, тоже один из выводов романа. Говоря о «порочности» Юраши Теодорова, не стоит забывать, что его пороки не идут ни в какое сравнение с тем, чем снедаемо многие: бלבным честолюбием, жльвостью, злобной завистливостью, готовностью пойти на подлость, корыстолюбием, холуйством перед сильными мира сего и т. д., и т. п. Юраша просто «доймочка» со своим сластолюбием и пьянством в сравнении с этим букетом человеческих пороков. Автор не раз сетовал, что название романа некоторые читатели понимают слишком буквально и упрощенно. Главный смысл названия в том, что невозможно остановиться... жить.

З НАЮ, что для А. Тоболяка его отъезд с Сахалина был отчасти попыткой взглянуть издалека, на расстоянии, на то, что, как говорится, «замылило глаз». Попытку нового творческого осмысления нашей российской островной жизни. Все мы, провожавшие его, знаем, с каким чувством покидал он остров:

Дремучая тоска заест —
К такому я готов уделу —
Когда свершится мой отъезд,
Когда я понесу свой крест
В иных краях, в глухих
пределах...

Это из «Прощального». А в своих письмах оттуда, в стихотворении «Экспромт», где герой сидит в центре Тель-Авива, есть такая строфа:

Здесь утром дождик вдруг
закапал,

И я от радости заплакал,
Припомнив дальнюю
страну,

Где ливни хлещут наяву!
Для немногочисленной
островной писательской
организации его отсутствие
трудно восполнимо. Кстати,
А. Тоболяк отказался
ступить в Союз русскоязычных
писателей Израиля и
по-прежнему остается в рядах
нашего писательского
Союза. Не издан пока
отдельной книгой последний
«сахалинский роман» А.
Тоболяка «Во все тяжкие...»,
жанрово обозначенный
автором как «повествование»
в журнальной публикации
(«Дальний Восток», №11 —
12, 1997 г., №1 — 2, 1998 г.).

Анатолий Тоболяк живет
сегодня в Израиле. Не
совсем здоров. Но будем
надеяться, что появятся
еще его новые книги. Что
формула названия
«Невозможно
остановиться», в авторском
понимании, не исчерпала
себя. Во всяком случае,
пожелаем ему этого.

Н. ТАРАСОВ,
ответственный секретарь
Сахалинской писательской
организации.